

Сов. артист 1974, №5, 28 июня

ДРУГ И НАСТАВНИК

Памяти А. Ш. Мелик-Пашаева

18 июня 1974 г. исполнилось 10 лет со дня смерти Александра Шамильевича Мелик-Пашаева.

10 лет в жизни театра — немного. Но 10 лет в жизни певца — очень много.

Я до сих пор, и это вообще никогда не уйдет от меня, помню все свои встречи, все общения, разговоры, спевки, репетиции, спектакли, записи — словом все, что было связано с Александром Шамильевичем. Я выступал с ним в спектаклях Большого театра с 1957 по 1964 год — пел с ним Германа, Радамеса, Хозе, Альфреда, Герцога, записал арии Хозе, Абессалома, Даиси, Каварадосси, Германа. И считаю для себя большим творческим и человеческим счастьем, что мне выпала удача работать с А. Мелик-Пашаевым — одним из самых выдающихся оперных дирижеров XX века.

А. Мелик-Пашаев был необыкновенно требовательным музыкантом. Прежде всего к себе. А мы, артисты, всегда чувствовали эту его требовательность и обязательность. На спевках и репетициях он был даже более требователен, чем на спектаклях. К его спевкам мы всегда тщательно готовились, даже одевались иначе. Когда Александр Шамильевич проводил спевки, я лично всегда ощущал за его руками оркестр. Он был беспощаден к ошибкам, он помнил их годами. Он был снисходителен и прощал случайности, но никогда не спускал ошибки, если они происходили в результате недоработки.

Он часто брал спевки уже идущих и хорошо идущих спектаклей. Я не помню, чтобы он начи-

нал сезон без оркестровых репетиций.

Своим певческим долголетием я обязан ему. Он готовил меня к Отелло, а заставлял (именно заставлял) петь Фауста, Герцога, Альфреда...

Он настолько сам был организован в работе, что мы, артисты, как говорится, подтягивались.

Все спектакли под его управлением проходили с большим успехом, на высоком уровне.

Великолепно зная специфику оперного артиста, природу певца, его духовный настрой, он всегда чувствовал певца, помогал в трудных моментах. До сих пор я лично не переучил ни одной ноты из тех партий, которые приготовил с Александром Шамильевичем.

Он доминировал во время работы над спектаклем, а во время спектакля получалось главным — наши артистические дарования, хотя по существу, он им давал жизнь на сцене.

Его внутренняя интеллигентность, безупречный вкус в искусстве, такт с людьми, беспредельная преданность театру, искусству, музыке, его вдохновение, культура, по-моему, оставили неизгладимый след в творческой деятельности Большого театра, определили уровень его исполнения и до сих пор являются для нас, артистов, эталоном подлинно высокого в прекрасном искусстве оперы.

И память о нем — в делах сегодня, завтра и всегда любимого им Большого театра Союза ССР.

Зураб АНДЖАПАРИДЗЕ,
народный артист СССР.